

КСЕНИЯ МИХАЙЛОВНА БОГАЧЕВА

младший научный сотрудник сектора истории Института
языка, литературы и истории

Федеральное государственное бюджетное учреждение на-
уки Федеральный исследовательский центр «Карельский
научный центр Российской академии наук»

(Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0009-0008-0447-9983; bogachevakm@gmail.com

ПОБРАТИМСКИЕ СВЯЗИ СОВЕТСКОЙ КАРЕЛИИ В ДОКУМЕНТАХ И ВОСПОМИНАНИЯХ УЧАСТНИКОВ

А н н о т а ц и я . Побратимские связи Карельской АССР были составной частью советской «народной дипломатии». В историографии вопрос о том, как государственная регламентация зарубежных контактов соотносилась с опытом участников, их постижением зарубежной жизни, остается малоизученным. Цель работы заключается в восполнении этого пробела на материалах Карелии 1970–1980-х годов, когда были официально оформлены связи с городами Финляндии, ГДР, Франции, Швеции, США и ФРГ. Исследование опирается на качественный анализ архивных документов и биографических интервью с участниками побратимского движения. Сопоставление двух типов источников позволило сделать предположение о существовании разрыва, не отраженного в официальных документах, но неизменно возникающего при контакте советских людей с заграницей. Разрыв между официальной отчетностью и впечатлениями современников находится в центре анализа. В ходе исследования установлено, что система отбора участников была строгой, но на практике часто сводилась к формальностям и личным рекомендациям. В отношении к теме Второй мировой войны в контактах с партнерами из ГДР и ФРГ выявлен дуализм. Показано, что расхождения между официальными предписаниями и реальной практикой в отборе участников, в организации приема иностранных гостей с поведенческими стратегиями в отношении к памяти о войне были не случайными сбоями, а устойчивыми воспроизводимыми явлениями.

Ключевые слова: побратимские связи, народная дипломатия, Советская Карелия, биографические интервью, устная история, идеологический контроль, международные отношения СССР

Б л а г о д а р н о с т и . Финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания Карельского научного центра РАН (№ 124022000029-0, 2024–2026 гг.).

Д л я ц и т и р о в а н и я : Богачева К. М. Побратимские связи Советской Карелии в документах и воспоминаниях участников // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 6. С. 22–31. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1348

ВВЕДЕНИЕ

После Второй мировой войны движение породненных городов распространилось во многих странах. В условиях холодной войны это явление приобрело особую политическую значимость. Советский Союз встраивал побратимские связи в систему «народной дипломатии», используя их для демонстрации преимуществ социалистического строя и формирования позитивного образа страны за рубежом. О том, что государство рассматривало побратимство прежде всего как один из пропагандистских инструментов, свидетельствуют документы. Президиум Союза советских обществ дружбы

и культурной связи с зарубежными странами (ССОД) в 1974 году требовал от исполкомов горсоветов большей эффективности, отмечая слабое использование международных связей для «доходчивой и убедительной пропаганды советского общественного строя»¹. Логика оценки международных контактов сохранялась и в середине 1980-х годов. Заместитель председателя ССОД М. М. Песляк, оценивая Дни Петрозаводска, прошедшие в Умео в 1984 году, обозначил их высокую пропагандистскую эффективность². Как отмечает Н. С. Савельев, повсеместный государственный контроль придавал этому явлению «некоторую однобокость» [16: 102], иными слова-

ми, сводил «народную дипломатию» к пропаганде, оставляя за скобками живой опыт участников.

В официальных отчетах и республиканских газетах («Ленинская правда», «Комсомолец») побратимские связи Петрозаводска характеризовались исключительно в позитивном ключе, с использованием идеологически выдержанных формулировок о дружбе и успешном сотрудничестве³. Интервью с участниками в целом не противоречат этой картине. Однако за рамками официальных нарративов осталось то, что не вписывалось в идеологически выверенную картину. Личные свидетельства позволяют предположить, что даже в условиях жесткой регламентации возникали неформальные контакты и новые представления о зарубежной жизни, которые могли не совпадать с официальной риторикой. Именно этот разрыв между государственным контролем и личным опытом нуждается в специальном изучении. В предлагаемой статье на материалах побратимских связей Карелии 1970–1980-х годов будет проанализировано то, в каких сферах и как официальные установки соотносились с поведенческими моделями, практиками коммуникации советских участников международного диалога.

На сегодняшний день существует обширная историографическая база, посвященная контактам советских граждан с иностранцами. В центре внимания ученых чаще всего оказываются либо столичные практики, либо туризм как массовое явление. Для исследования побратимских связей, выработки подходов к изучению темы эти работы имеют безусловную ценность, поскольку и поездки за рубеж, и прием иностранных гостей были важной составляющей побратимства. В этой связи интересны реконструированные А. Д. Поповым и И. Б. Орловым механизмы идеологического контроля и последствия зарубежных поездок, разрушавших пропагандистские стереотипы [10]. Кроме того, А. Д. Попов, изучая выездной туризм в СССР, констатировал кризис мировоззренческих моделей у советских туристов из-за «великих открытий», связанных с потребительским изобилием, иными социальными нормами и альтернативными версиями истории во время путешествий [14]. Исследования Е. П. Архиповой, А. М. Машковой, Э. Горсач дополняют картину анализом социального состава туристических групп [2], неформальных практик советских туристов [7] и «театральности» советской дипломатии [5]. Важным сюжетом для настоящего исследования является процесс конструирования советской стороной демонстрационного образа страны для иностранных гостей [11]. Классическую аналитику этой практики

предложил американский социолог П. Холландер, описавший техники гостеприимства [20]. В коллективной монографии «Советская культурная дипломатия в условиях Холодной войны. 1945–1989» [18] комплексно реконструированы институциональная вертикаль управления культурной дипломатией и стратегии конструирования положительного образа СССР за рубежом. Авторы показывают, что советский человек, выезжавший за границу или участвовавший в приеме иностранных гостей, являлся прежде всего образцовым представителем государства, а его поведение и высказывания подлежали регламентации. Эти выводы важны для настоящего исследования, поскольку побратимские связи были частью единой институциональной системы, а их реализация была подчинена той же логике. Для анализа официального измерения памяти о Второй мировой войне в отношениях между СССР и ГДР значима разработанная О. С. Нагорной концепция «мемориальной дипломатии» [8], а также выводы А. Д. Попова о вытеснении исторического контекста идеологическими задачами, сделанные им в ходе анализа книг отзывов советских туристов в мемориальных комплексах ГДР [12].

Побратимские связи советских городов как более узкий, контролируемый канал международных контактов изучались под другим углом зрения. Посвященные им исследования рассматривают, как правило, либо конкретные сферы взаимодействия, либо институциональную историю побратимства. Сюжеты о породнении карельских городов, в частности столицы республики, нашли отражение в работах И. Р. Такала и М. А. Коробейниковой [19], Л. И. Вавулинской [3], [4], С. В. Кондратьевой [6], Е. А. Шлапеко [23], А. В. Шеремет [21], [22]. В этих исследованиях реконструирована хронология побратимских связей, выявлены основные сферы сотрудничества, показана роль Петрозаводска как одного из городов-пионеров побратимского движения в СССР [19: 18]. Однако в них анализируются прежде всего институциональные аспекты. Опыт рядовых участников, их впечатления, неформальные практики остались за рамками исследований. В настоящей статье автор обращается именно к этим вопросам. Отметим, что под углом сопоставления официальных документов и интервью с фокусом на разрыв между идеологией и реальными впечатлениями карельский материал ранее не анализировался. Подчеркнем также, что сравнение опыта КАССР с другими регионами в развитии побратимских связей на данный момент затруднено в силу отсутствия комплексных ра-

бот, позволивших провести полноценное сопоставление.

Исследование опирается на следующие сформулированные А. Юрчаком понятия: «гипернормализация» (возникающее в результате «перформативного сдвига» состояние, при котором идеологические формы и ритуалы воспроизводятся повсеместно с предельной тщательностью, но утрачивают связь с реальным содержанием), «воображаемый Запад» (альтернативная система ценностей и образов, формирующаяся внутри советской культуры через контакты с внешним миром и существующая параллельно с официальным дискурсом) [24]. Уточним, что «воображаемый Запад» – это феномен, существующий по причине недостижимости реального Запада для большинства советских граждан. На материалах побратимских связей КАССР фиксируется прямой контакт. Поэтому в данной статье используется не столько оригинальное понятие, сколько предложенное И. Б. Орловым и А. Д. Поповым описание «встречи воображаемого и реального Запада», ситуации, когда личный опыт корректировал или укреплял сложившиеся представления о зарубежной жизни [9: 216]. Для автора важно то, что предложенные А. Юрчаком понятия позволяют анализировать сосуществование идеологического контроля с неформальными практиками и тем, как сами участники воспринимали и оценивали международный опыт.

Изучая побратимские связи советских городов, нельзя не обратиться к понятию «народная дипломатия». В научной литературе отсутствует единый подход к терминологическому определению побратимства как формы международного сотрудничества. Одни исследователи относят связи городов к сфере либо «публичной», либо «общественной», либо «гражданской» дипломатии, другие рассматривают побратимство как инструмент «культурной» дипломатии, третьи считают все эти термины синонимами [1: 1523]. Такая вариативность приводит не только к терминологической путанице [15: 9]. Данные понятия исходят из предпосылки о существовании независимых от государства акторов, чья деятельность если и координируется властями, то не является тотально ими контролируемой, что противоречит природе любых международных контактов в СССР. Вслед за Т. И. Медведевой используем термин «народная дипломатия», понимая под ним форму внешнеполитической деятельности, при которой государство выступает главным инициатором и организатором по-

братимских связей, создавая видимость народной инициативы для завуалированного продвижения официальных идеологических установок⁴.

Источниковая база работы состоит из двух групп материалов. К первой относятся документы из фондов Карельского обкома КПСС и Петрозаводского исполкома горсовета, хранящиеся в Национальном архиве Республики Карелия (НА РК). Отчеты о поездках, планы приема делегаций, переписка между ведомствами позволяют реконструировать официальные требования к отбору участников, регламентацию программ и механизмы контроля. Однако они фиксируют лишь внешнюю сторону побратимских связей. Реальные впечатления, неформальные практики и эмоциональные реакции остаются за рамками. Вторую группу составили двенадцать биографических интервью с участниками побратимских связей Советской Карелии, переданные после расшифровки в Фонограммархив Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской Академии наук (ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН). Воспоминаниями об опыте реализации побратимских связей Советской Карелии поделились бывшие чиновники, переводчики, педагоги и журналисты. Они участвовали в поездках в округ Нойбранденбург, встречали иностранных гостей в рамках официальных и неформальных мероприятий, принимали членов делегаций из Нойбранденбурга, Ла-Рошель и Тюбингена у себя дома, а также делились впечатлениями о контактах с зарубежными партнерами на страницах республиканских газет. Основной эмпирический фокус статьи приходится на связи с округом Нойбранденбург (ГДР) как наиболее интенсивные и лучше всего представленные в источниках. Опыт контактов столицы Карельской АССР с другими городами-побратимами (Варкаус, Ла-Рошель, Умео, Дулут, Тюбинген) привлекается дополнительно и не является предметом пристального рассмотрения. Метод сбора воспоминаний варьировался. Часть бесед проводилась в полуструктурированном формате, другие – в форме свободного повествования. Сбор материала проходил в Петрозаводске с июля 2023 по июль 2025 года. Использование качественного подхода, сочетающего анализ архивных документов с устной историей, позволяет провести сопоставление официальной версии с личным опытом. В статье сделан акцент на тех сюжетах, которые практически не были отражены в официальных отчетах. Применительно к поездкам жителей Карелии в города-побратимы это потребительские практики, которые не вписывались в образ лучшего представителя Советского государства. Применительно к приему

иностранных гостей это бытовые неудобства, вступающие в противоречие с пропагандистским нарративом о советском благополучии. Особенного внимания заслуживает тема Второй мировой войны, возникавшая во взаимодействии советских людей в большей мере с немецкими, в меньшей – с финскими партнерами. Именно эти «неудобные» сюжеты позволяют наиболее контрастно показать разрыв между гипернормализованной формой и непосредственным опытом участников. Здесь важно подчеркнуть, что такой подход не означает, что опыт сводился к этим сюжетам. Безусловно, межличностные контакты в побратимских связях основывались на искреннем интересе к общению, языку, культуре и подлинной человеческой симпатии.

Карельская АССР как приграничный регион с достаточно развитыми побратимскими связями представляет особый интерес. О значимости карельского направления в советской внешней политике говорит то, что Петрозаводск регулярно фигурировал в отчетах Президиума Союза Советских обществ дружбы наравне с Москвой и Ленинградом⁵. Первым побратимом столицы КАССР стал финский Варкаус (*de jure* с 1975 года, *de facto* с 1965 года). В 1970 году был заключен Договор о дружбе между Карельской АССР и округом Нойбранденбург, а в 1983 году официально оформилось побратимство между Петрозаводском и Нойбранденбургом. В 1973 году был подписан Договор о дружественных связях между Петрозаводском и французским Ла-Рошель. В последующие годы Петрозаводск установил побратимские связи со шведским Умео (1976), американским Дулутом (1987), немецким Тюбингеном (ФРГ) (1989). Взаимные обмены делегациями происходили регулярно. Особенно их интенсивность возросла к 1980-м годам. Из архивных документов и интервью с участниками побратимских связей можно заключить, что наиболее активными были контакты Советской Карелии с округом Нойбранденбург.

Обращаясь к вопросу организации отбора выезжающих за границу по побратимской линии, необходимо подчеркнуть, что каждый советский гражданин рассматривался системой в этой связи не только как образцовый представитель СССР [10: 130], но и как посланец города-побратима. Процедура отбора кандидатов для поездок включала не только рассмотрение характеристики, которая, согласно «Памятке по иностранному туризму» 1968 года, должна была детально раскрыть «все стороны деятельности будущего туриста» и его «безупречные моральные качества» [10: 44]. Обязательно было многоступенчатое согласование.

Из документа об обмене делегациями с округом Нойбранденбург за 1972 год следует, что после получения вызова из-за рубежа инициатор подавал письменную просьбу в Карельский обком КПСС с указанием цели, сроков и состава делегации. Далее следовало согласование с отделами обкома, заинтересованными ведомствами, а также с КГБ при Совете Министров КАССР. Лишь после этого вопрос направлялся в международный отдел ЦК КПСС, а затем в Комиссию по выездам за границу при ЦК КПСС⁶. Перед выездом беседа-инструктаж строилась на положениях, сформулированных в «Основных правилах поведения советских граждан, выезжающих за границу» (1979)⁷.

Непосредственные участники побратимских связей спустя десятилетия вспоминают об этой процедуре иначе, не погружаясь в детали межинституционального согласования, но раскрывая механизмы функционирования системы на практике: *«Спрашивали всякую буру: как вы относитесь к партии, как оцениваете последние международные события...»* – вспоминает собеседница. – *Например, надо было высказаться о семидневной войне на Ближнем Востоке»*⁸. Для тех кандидатов, кого в комиссии уже знали, собеседование носило формальный характер: *«...Меня все знали со студенческой скамьи, поэтому для меня это было просто формальностью»*⁹, – поясняет респондентка. Несколько информантов, отвечая на вопросы об отборе перед поездкой, отмечали: *«меня порекомендовали», «меня посоветовали»*. Одна из активных участниц побратимских контактов с Ла-Рошель отметила, что выбор выезжающих определялся не столько профессиональными качествами, сколько возрастом, внешностью и личной симпатией¹⁰.

Система работала как своеобразный фильтр, отсеивая неблагонадежных и пропуская тех, кто сочетал профессиональные заслуги с политической лояльностью. В первую очередь рассматривались передовики производства и «идейный состав»¹¹. Предполагалось, что представители советских делегаций в поездках по побратимской линии будут отчетливо представлять цели поездки, будут выступать перед зарубежной публикой и отвечать на вопросы¹². Однако в документах встречаются упоминания о том, что партийные и комсомольские организации «плохо изучают людей перед поездкой»¹³. Например, в отчете о поездке делегации школьных учителей немецкого языка в Нойбранденбург в 1984 году руководитель отмечал, что участницы «вели себя пассивно, не смогли поддержать беседы, высказать и аргументировать свою точку зрения»¹⁴. Критике подвергалось и поведение юных участников

побратимских связей. Так, в отчете о поездке пионеров Карелии в ГДР в 1976 году отмечалось, что часть ребят была настроена только на отдых, не имела элементарных навыков пионерской и комсомольской работы, не умела рассказывать о делах своей школы, почти никто не имел заданий от клубов интернациональной дружбы или комитетов ВЛКСМ¹⁵. Впрочем «следовать принципу коммунистической морали» при общении с иностранцами нужно было весьма осторожно, поскольку контролирующие органы уделяли пристальное внимание детализированному анализу сказанного советскими делегатами [17: 264]. Энергичное общение, инициатива тоже не поощрялись. Так, участница карельской делегации в ФРГ в 1980-е годы приготовила прощальную речь, в которой хотела выразить слова благодарности немецкой стороне за теплый прием, но руководитель делегации, отметив ее чрезмерную активность в течение поездки, накануне запретил ей выступать: *«Если вы не хотите получить неприязни на работе... я вам запрещаю говорить»*¹⁶.

Официальные отчеты о поездках составлялись по шаблону, который можно описать формулой копирования-вставки. В текстах на протяжении многих лет повторялись одни и те же идеологические клише с некоторыми вариациями, где зачастую описание реального опыта подменялось набором устоявшихся формулировок, которые повторялись из раза в раз. Приведем следующие примеры таких конструкций из архивных документов:

«...во всех встречах с иностранцами петрозаводчане постоянно демонстрировали свою поддержку внутренней и внешней политике Коммунистической партии и советского правительства, разоблачали клевету буржуазной пропаганды...»¹⁷ или «...на все вопросы были даны соответствующие / исчерпывающие ответы»¹⁸.

Таким образом, в отчетах использовались стандартизированные, идеологически выверенные формулировки. В советском авторитетном дискурсе высказывания превращались в «длинные и неуклюжие» конструкции с «крайне неопределенной» констатирующей составляющей [24: 115].

Что касается приемов иностранных делегаций в Советской Карелии, то отметим, что в центре официальных программ оказывались возложение венков или посещение «образцовых» объектов¹⁹. Тот же принцип работал и в частном пространстве. Техники гостеприимства, сформулированные П. Холландером [20: 74], применялись как в отношении предварительно отобранных объектов для показа городской инфраструктуры, так и применительно к квар-

тирам советских граждан, принимавших иностранные делегации. Хорошо отражает конфликт между требованием демонстрации достижений социализма и бытовыми реалиями реакция, описанная одной из информанток в ответ на предложение преподавательницы-куратора принять группу из Ла-Рошель в семьях в 1970-е годы: *«Народ сразу: "Нет"»*. Сегодня объяснения уже могут звучать несколько гиперболизированно: *«Двухкомнатная квартира, шесть человек, парализованная бабушка, собака неизвестной породы тоже чем-то болеет, или кошка беременная с котятами. Живописно жили»*²⁰. Горисполком составлял списки лиц, которые могли принять гостей у себя дома. Согласившимся выдавали талоны на приобретение дефицитных продуктов²¹, а также помогали вставить отсутствующую дверь или произвести небольшой ремонт сантехники²².

Советская повседневность существовала в напряжении между парадными лозунгами и реальным жизненным опытом. Участники побратимских программ сталкивались с реалиями, которые не укладывались в представления советского человека. *«Если коротко, то, конечно, это открытие другого мира, другой жизни»*²³, – признается участник делегации после поездки в ГДР. Респонденты делятся достаточно эмоциональными реакциями: *«Когда я приехала домой [после поездки в Варкаус в начале 1980-х годов] и когда сразу семья спросила: "Ну, что там? Как там?", то первый у меня был всплеск, слезы брызнули. Не могла даже ничего рассказать... Но это не было такой грустью, печалью прямо. Но просто в сравнении, да, это была большая разница»*²⁴. Опыт столкновения с иной реальностью вызывал у советских людей культурный шок. В результате они испытывали дезориентацию и в некоторых случаях болезненно реагировали на столкновение с несоветской действительностью: *«Наши ветераны, кто поехал в ГДР, возвращались немножко не в себе, – вспоминает одна из участниц поездки. – Они не могли осознать: мы победители, ничего не имеем, на нуле живём. А они, побеждённые, с нашей точки зрения, как сыр в масле катаются»*²⁵. Свидетельства о таких эмоциональных реакциях при встрече с реальным Западом, а также размышления о соотношении советской пропаганды и собственного опыта не соответствуют тезису А. Юрчака о том, что советские люди, впервые выехавшие за границу в конце 1980-х годов, сочли его «чем-то обычным, даже прозаичным» [24: 400].

Следующим сюжетом, требующим осмысления, является шопинг,

«превратившийся в основную неофициальную миссию советских туристов за рубежом, которая часто вступала в противоречие с официальной миссией – достойно представлять страну победившего социализма на международной арене» [14: 40].

В уже упомянутых «Основных правилах...» отдельным пунктом значилось: «не увлекаться приобретением разного рода вещей и ценностей»²⁶, что, впрочем, не останавливало членов поездок по побратимской линии. Своими наблюдениями поделилась участница поезда дружбы:

«...наши люди, не владея никаким языком... уму-дрялись за короткое время... обнаружить магазины типа барахолки, где... Preis reduziert... Всё купить на те крохотные мизерные деньги. И вы знаете, вот такая картинка: поезд дружбы стоит наш, и тащит кто коробки сервизами, кто ковры, ковер свешивается спереди и сзади, кто телевизор тянет, вытягивают, потягивают, ругаются»²⁷.

Ценность обычных для Запада вещей в СССР была огромной: «...пластиковых паке-тов не было – это же был лучший сувенир...»²⁸. Привезенные из-за границы вещи приобретали символический статус, выходящий за рамки утилитарной ценности. Одна из респонденток, рассказывая о босоножках фирмы «Salamander», купленных в ГДР более сорока лет назад, замечает, что они привлекали особое внимание не только прохожих на улицах Петрозаводска, но и работников обувной мастерской: «Оторвали бирку и к себе приклеили, когда я их сдавала [в ремонтную мастерскую]. Они дорогие были. Я их не выкидываю, потому что память»²⁹. Такие вещи представляли собой не просто предметы гардероба, они становились индексами, связывавшими советскую повседневность с воображаемым Западом [24: 391] для тех, кто там не был, и с реальным, для тех, кому удалось приобрести импортную вещь лично.

Сюжет, требующий пристального рассмотрения, связан с темой памяти о Второй мировой войне. Отношение к недавнему военному прошлому было одной из самых деликатных тем в советско-финляндских и, особенно, в советско-немецких контактах. Эта память существовала в двух параллельных плоскостях. В официальных отчетах военная тема раскрывалась посредством официальной «мемориальной дипломатии» [8: 102], включавшей риторику «освобождения» (что видно, например, из телеграмм, отправленных руководством округа Нойбранденбург в КАССР с благодарностью за «освобождение от фашизма»³⁰), а также упоминаний о совместном посещении советскими и иностранными делегациями памятных мест и мемориалов. Совместное посещение мемориалов было обяза-

тельной частью программ [10: 168], но оставалось лишь ритуалом, не предполагавшим живого диалога. Как отмечает А. Д. Попов, немецкие гиды инструктировали персонал, «чтобы они что-то лишнее не сказали» при советских туристах [13: 479]. В то же время в интервью зафиксировано намеренное избегание военной темы в межличностном общении. Этот феномен стал неписанным правилом контактов: «Тема войны по обоюдному согласию сторон не поднималась. Говорили о будущем»³¹. Как объясняли респонденты: «...особенно эта тема не возникала. Все знали. И они знали, и мы знали»³². Информантка признается: «Этого чувства, что передо мной враг, не было. Но я с ним сталкивалась постоянно... просто с таким неудобным ощущением атмосферы ситуации...»³³. Ярким примером непроговоро-ренности военной травмы и витающей в воздухе напряженности является эмоциональная реакция директора одной из петрозаводских школ во время поездки в Тюбинген в конце 1980-х годов: «...увидел где-то карту, где часть России – территория немецкая»³⁴, он возмущался: «Что это такое, это наши территории! Ни ногой в этот Тюбинген не поедем!»³⁵.

Напряженность усиливалась там, где возникал межпоколенческий разрыв в отношении к городам-побратимам. Семейная память о войне вступала в противоречие с новым опытом международной дружбы с еще недавно враждебными городами и странами. Старшее поколение нередко выражало недоверие: «Нас хотели как лучших студентов отправить учиться в Берлин... Но наши родители... Как это так? В Германию? Да вы что!»³⁶. Бабушка респондентки протестовала против проживания немецкой подруги из Нойбранденбурга у своей внучки в Петрозаводске³⁷. Одна из информанток также поделилась, как в 1980-е годы в Польше задержали поезд дружбы, на котором она возвращалась из ГДР в Карелию³⁸: «У меня у папы даже случился инсульт. Он ждал на вокзале»³⁹. Отец одного из респондентов, комментируя заметку в газете о советско-финляндских отношениях, скептически отметил: «Знаем мы их дружбу! Земли наши хотят»⁴⁰. Болезненность темы подтверждают и реакции опрашиваемых на вопросы о войне. Некоторые респонденты либо не давали развернутого ответа, либо ограничивались краткими репликами с последующей сменой темы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе исследования установлено, что в рамках реализации побратимских связей Карелии 1970–1980-х годов возникли разрывы между официальными установками, государственным

контролем и личным опытом участников. Строгость отбора кандидатов для зарубежных поездок и приема иностранных гостей, характер собеседования далеко не всегда соответствовали пафосу государственной значимости побратимской дружбы, транслируемому прессой. Официально процедура была выстроена достаточно жестко, однако на практике респонденты описывали такого рода мероприятия как формальность. Требования к «образцовому представителю» существовали на бумаге, но на практике система давала сбои. Например, от участников требовалась готовность к публичным выступлениям, однако выход за определенные рамки, четкость которых определялась на уровне конкретных организаторов группы, сопровождающих, не приветствовался. «Мера активности» также определялась субъективно, что подчас создавало атмосферу психологической напряженности.

Разрыв между официальными предписаниями и повседневными реалиями, выразившимися, например, в несоответствии декларируемого советского благополучия и реальных условий приема иностранных гостей в коммунальных квартирах или шаблонном характере отчетности, где реальные впечатления подменялись клишированными выражениями, воспринимался участниками как рутинная составляющая действительности. Поездки по линии побратимства становились для советских людей возможностью увидеть за границу своими глазами, и этот личный опыт либо корректировал, либо укреплял сложившиеся стереотипы о зарубежной жизни. Потребительские практики граждан в ходе выездов за границу органично встраивались в советскую систему международных отношений, находясь с ней в своеобразном симбиозе. Система, с одной стороны, контролировала контакты

с зарубежьем, с другой – предоставляла легальные каналы для формирования и распространения представлений о зарубежной жизни среди советских людей.

Официальная «мемориальная дипломатия», связанная с темой Второй мировой войны, существовала с намеренным избеганием военной темы в межличностном общении. В контексте побратимских связей военная память функционировала одновременно в ритуализированной публичной и частно-умолчательной плоскостях. Официальные ритуалы не создавали условий для рефлексии, а, напротив, усиливали эффект невысказанности, вытесняя болезненные темы в сферу того, что «все знают, но не говорят».

Таким образом, побратимские связи Карелии 1970–1980-х годов являются репрезентативной моделью позднесоветской системы, в которой расхождения между формой и содержанием, фиксируемые в источниках, носили не единичный, а устойчивый, воспроизводимый характер. Парадокс советской «народной дипломатии» заключался в том, что инструмент, изначально нацеленный на демонстрацию и пропаганду преимуществ социализма, стал легальным каналом для знакомства советских граждан с зарубежной реальностью. Механизмы минимизации рисков от такого знакомства в виде жесткого отбора, бюрократической регламентации и идеологического контроля, обеспечивая лояльность участников побратимских контактов, в то же время не смогли нейтрализовать формирование живого опыта. Напротив, сложилась ситуация, в которой усилия по дозированию и фильтрации впечатлений нередко вступали в противоречие с официальными установками, неизбежно порождая у участников собственные мнения и оценки.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ НА РК. Ф. Р-460. Оп. 1. Д. 1446. Л. 87.

² НА РК. Ф. П-3. Оп. 35. Д. 201. Л. 15.

³ Например, Дружба городов-побратимов // Ленинская правда. 1971. № 199. 20 августа. С. 1; «Дружба настоящая не старится...» // Ленинская правда. 1972. № 89. 15 апреля. С. 1; Побеждает дружба // Ленинская правда. 1984. № 153. 3 июля. С. 4; Девиз похода – дружба // Ленинская правда. 1989. № 192. 20 августа. С. 4; Дружбе развиваться и крепнуть! // Комсомолец. 1972. № 79. 1 июля. С. 1; Мы верны нашей дружбе // Комсомолец. 1973. № 116. 27 марта. С. 3; От друзей секретов нет! // Комсомолец. 1974. № 110. 12 сентября. С. 1.

⁴ Медведева Т. И. Гражданская (народная) дипломатия и ее роль в российско-японском политическом диалоге: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2007. С. 17.

⁵ НА РК. Ф. Р-460. Оп. 1. Д. 1446. Л. 97, 103.

⁶ НА РК. Ф. П-3. Оп. 23. Д. 152. Л. 1–2.

⁷ Основные правила поведения советских граждан, выезжающих в капиталистические и развивающиеся страны; Основные правила поведения советских граждан, выезжающих в социалистические страны // Лубянка – Старая площадь: Секретные документы ЦК КПСС и КГБ о репрессиях 1937–1990 гг. в СССР: Сб. док. М., 2005. С. 154–173.

⁸ ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН 4562/1.

⁹ ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН 4562/1.

- ¹⁰ ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН 4563/1.
- ¹¹ ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН 4563/1.
- ¹² НА РК. Ф. Р-460. Оп. 1. Д. 1446. Л. 88.
- ¹³ НА РК. Ф. П-3. Оп. 16. Д. 110. Л. 4–9.
- ¹⁴ НА РК. Ф. П-3. Оп. 35. Д. 265. Л. 4–5.
- ¹⁵ НА РК. Ф. П-3. Оп. 27. Д. 172. Л. 98.
- ¹⁶ ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН 4562/1.
- ¹⁷ НА РК. Ф. П-3. Оп. 31. Д. 223. Л. 4.
- ¹⁸ Например, НА РК. Ф. Р-460. Оп. 1. Д. 1312. Л. 71; Ф. П-3. Оп. 33. Д. 264. Л. 105.
- ¹⁹ НА РК. Ф. П-3. Оп. 16. Д. 110. Л. 2.
- ²⁰ ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН 4563/1.
- ²¹ ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН 4533/1.
- ²² ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН 4563/1.
- ²³ ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН 4511/1.
- ²⁴ ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН 4574/1.
- ²⁵ ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН 4562/1.
- ²⁶ Основные правила поведения советских граждан, выезжающих в капиталистические и развивающиеся страны; Основные правила поведения советских граждан, выезжающих в социалистические страны // Лубянка – Старая площадь: Секретные документы ЦК КПСС и КГБ о репрессиях 1937–1990 гг. в СССР: Сб. док. М., 2005. С. 161.
- ²⁷ ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН 4562/1.
- ²⁸ ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН 4511/1.
- ²⁹ ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН 4514/1.
- ³⁰ Телеграмма из Нойбранденбурга // Ленинская правда. 1970. № 108. 9 мая. С. 3; На все времена // Ленинская правда. 1979. № 153. 3 июля. С. 1; Мы верны нашей дружбе // Комсомолец. 1973. № 116. 27 марта. С. 3.
- ³¹ ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН 4511/1.
- ³² ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН 4514/1.
- ³³ ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН 4562/1.
- ³⁴ Видимо, речь о карте военного времени.
- ³⁵ ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН 4561/1.
- ³⁶ ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН 4514/1.
- ³⁷ ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН 4565/1.
- ³⁸ Поезд не прибыл вовремя в Петрозаводск.
- ³⁹ ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН 4514/1.
- ⁴⁰ ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН 4533/1.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абжапарова Л. Ж., Сарсембаева А. Б. Народная дипломатия как фактор международных отношений: исторический опыт Казахстана // Фундаментальные исследования. 2013. № 11 (ч. 7). С. 1500–1523.
2. А р х и п о в а Е. П. Некоторые аспекты развития советского выездного туризма в 1980–1991 гг. (на примере туристического обмена с капиталистическими странами) // Современные проблемы сервиса и туризма. 2008. № 1. С. 36–43.
3. В а в у л и н с к а я Л. И. Межкультурная коммуникация в диалоге Карелии и Финляндии в 1950–1970-е гг. // Альманах северо-европейских и балтийских исследований. 2018. Вып. 3. С. 228–249 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://nbsr.petsu.ru/journal/article.php?id=1081> (дата обращения 01.03.2026).
4. В а в у л и н с к а я Л. И. Побратимские связи городов СССР и Финляндии в 1960–1980-е гг. как фактор формирования новых форм сотрудничества на региональном уровне (на примере Петрозаводска и Варкауса) // Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов. Серия: Гуманитарные исследования. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2008. С. 65–76.
5. Г о р с а ч Э. Выступление на международной сцене: советские туристы хрущевской эпохи на капиталистическом Западе // Антропологический форум. 2010. № 13. С. 359–388.
6. К о н д р а т ь е в а С. В. Побратимские связи в развитии добрососедских отношений: практика карельско-финляндского взаимодействия // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 481. С. 143–156. DOI: 10.17223/15617793/481/17
7. М а ш к о в а А. М. Зарубежные поездки как форма молодежного досуга (опыт БММТ «Спутник») // Современные проблемы сервиса и туризма. 2010. № 4. С. 28–33.
8. Н а г о р н а я О. С. «Если бы не война, советский народ ушел бы теперь далеко вперед...»: советская мемориальная дипломатия в социалистическом лагере (1949–1989) // Диалог со временем. 2017. Вып. 59. С. 100–115.
9. О р л о в И., П о п о в А. Импортная вещь и дух консьюмеризма: потребительские аспекты выездного туризма в СССР // Soviet and Post-Soviet Review. 2016. Vol. 43, № 2. P. 182–218.
10. О р л о в И. Б., П о п о в А. Д. Сквозь «железный занавес». Руссо туристо: советский выездной туризм. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 351 с.

11. Орлов И. Б., Попов А. Д. Сквозь «железный занавес». See USSR! Иностранные туристы и призраки потемкинских деревень. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. 485 с.
12. Попов А. Д. Война и мы: горизонты культурной памяти в мемориальных текстах позднего советского периода // Шаги. 2016. Т. 2, № 4. С. 96–113.
13. Попов А. Д. «Конструирование дружбы» в отношениях Советского Союза и Восточной Германии (1949–1989) // Научный диалог. 2022. Т. 11, № 6. С. 471–487. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-471-487
14. Попов А. Д. Советский турист за рубежом: миссия, иллюзии, открытия // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки. 2016. Т. 2 (68), № 4. С. 34–46.
15. Публичная дипломатия: теория и практика / Под ред. М. М. Лебедевой. М.: Аспект Пресс, 2017. 272 с.
16. Савельев Н. С. «Народная дипломатия» как элемент «Оттепели» на примере северо-западных областей Советского Союза // Вестник Новгородского государственного университета. 2013. Т. 1, № 73. С. 100–103.
17. Сидорова Г. П. «Каждый советский человек, выезжающий за рубеж, – это полпред советского образа жизни»: о влиянии образа жизни на межкультурные коммуникации // Ярославский педагогический вестник. 2025. № 1 (142). С. 259–269. DOI: 10.20323/1813-145X-2025-1-142-256
18. Советская культурная дипломатия в условиях Холодной войны. 1945–1989: Коллективная монография. М.: Полит. энциклопедия, 2018. 446 с.
19. Такала И. Р., Коробейникова М. А. Ad fontes: проблемы изучения побратимских связей Петрозаводска с городами Финляндии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 2. С. 16–25. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.865
20. Холландер П. Политические пилигримы (Путешествия западных интеллектуалов по Советскому Союзу, Китаю и Кубе. 1928–1978). СПб.: Лань, 2001. 592 с.
21. Шеремет А. В. Петрозаводск – Дулут: из истории развития побратимских связей советских и американских городов в 1970–1980-е годы // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2017. № 2. С. 37–45. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.2.37
22. Шеремет А. В. Сотрудничество предприятий Карелии в рамках побратимских связей в 70–80-е годы XX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2015. № 7 (152). С. 29–32.
23. Шлапко Е. А. Роль городских элит и побратимского движения в формировании трансграничных регионов (на примере развития внешних связей Петрозаводского городского округа, Республика Карелия) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 4 (1). С. 374–380.
24. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: НЛО, 2014. 664 с.

Поступила в редакцию 05.03.2026; принята к публикации 02.06.2026; дата публикации 30.09.2026

Original article

Kseniia M. Bogacheva, Junior Researcher, Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)
 ORCID 0009-0008-0447-9983; bogachevakm@gmail.com

SOVIET KARELIA'S SISTER CITY TIES IN DOCUMENTS AND PARTICIPANTS' RECOLLECTIONS

Abstract. The study examines the city-twinning system of the Karelian Autonomous Soviet Socialist Republic as a part of Soviet “people’s diplomacy”. The article aims to fill a gap in historiography concerning how state regulation of international contacts correlated with participants’ personal experiences and their understanding of life in foreign countries. Focusing on Karelia in the 1970s and the 1980s, when formal ties were established with cities in Finland, East Germany, France, Sweden, the United States, and West Germany, this research utilizes a qualitative analysis of archival documents and biographical interviews with individuals involved in the twinning movement. By comparing these two types of sources, the study suggests that there is a disconnect that is absent from official records but becomes evident through personal accounts: a gap between the official reporting and the actual impressions of participants when interacting with foreigners. The analysis reveals that although the participant selection process was officially strict, in practice it often reduced to formalities and personal recommendations. Furthermore, ambivalent attitudes toward the topic of World War II were revealed in interactions with partners from Finland, East Germany, and West Germany. The research demonstrates that discrepancies between official regulations and actual practices – regarding participant selection, reception and hosting of foreign guests, and behavioral strategies related to the wartime memory – were not incidental deviations but persistent and reproducible phenomena.

Key words: city-twinning, sister cities, public diplomacy, Soviet Karelia, biographical interviews, oral history, ideological control, Soviet international relations

Acknowledgements. The research was funded from the federal budget as part of the state research task No 124022000029-0 (2024–2026) assigned to the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Bogacheva, K. M. Soviet Karelia's sister city ties in documents and participants' recollections. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(6):22–31. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1348

REFERENCES

1. Abzhaparova, L. Zh., Sarsembaeva, A. B. Public diplomacy as the factor of the international relations: historical experience of Kazakhstan. *Fundamental Research*. 2013;11:1500–1523. (In Russ.)
2. Arkhipova, E. P. Some aspects of outbound tourism in USSR in 1980–1991 (on tourism exchange with capitalist countries). *Service and Tourism: Current Challenges*. 2008;1:36–43. (In Russ.)
3. Vavulinskaya, L. I. Intercultural communication in the dialogue between Karelia and Finland, 1950–1970s. *Nordic and Baltic Studies Review*. 2018;3:228–249. Available at: <https://nbsr.petrus.ru/journal/article.php?id=1081> (accessed 01.03.2026). (In Russ.)
4. Vavulinskaya, L. I. Twinning relations between the cities of the USSR and Finland in the 1960s–1980s as a factor of development of new forms of cooperation at the regional level (a case study of Petrozavodsk and Varkaus). *Borders and contact zones in the history and culture of Karelia and adjacent regions*. Series: Humanities Research. Petrozavodsk, 2008. P. 65–76. (In Russ.)
5. Gorsuch, A. Performance on the international stage: Soviet tourism to the capitalist West in the Khrushchev Era. *Forum for Anthropology and Culture*. 2010;13:359–388. (In Russ.)
6. Kondratyeva, S. V. Sister city connections in the development of benevolent relations: the practice of Karelian-Finnish interaction. *Tomsk State University Journal*. 2022;481:143–156. DOI: 10.17223/15617793/481/17 (In Russ.)
7. Mashkova, A. M. Foreign trips as a form of youth leisure (a case study of the Sputnik Bureau of International Youth Tourism). *Service and Tourism: Current Challenges*. 2010;4:28–33. (In Russ.)
8. Nagornaya, O. S. “If it was not for the war, the Soviet people would now go far ahead...”: Soviet memorial diplomacy in the socialist camp (1949–1989). *Dialogue with Time*. 2017;59:100–115. (In Russ.)
9. Orlov, I., Popov, A. Imported goods and the spirit of consumerism: consumer aspects of outbound tourism in the USSR. *Soviet and Post-Soviet Review*. 2016;43(2):182–218. (In Russ.)
10. Orlov, I. B., Popov, A. D. Through the Iron Curtain. *Russo turista: Soviet outbound tourism*. Moscow, 2016. 351 p. (In Russ.)
11. Orlov, I. B., Popov, A. D. Through the Iron Curtain. See *USSR! Foreign tourists and the ghost of Potemkin villages*. Moscow, 2018. 485 p. (In Russ.)
12. Popov, A. D. War and we: horizons of cultural memory in memorial texts of the late Soviet period. *Steps*. 2016;2(4):96–113. (In Russ.)
13. Popov, A. D. “Building of friendship” in relations of Soviet Union and East Germany (1949–1989). *Nauchnyi dialog*. 2022;11(6):471–487. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-471-487 (In Russ.)
14. Popov, A. D. The Soviet tourist abroad: mission, illusions, discoveries. *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Historical sciences*. 2016;2(4):34–46. (In Russ.)
15. Public diplomacy: theory and practice. (M. M. Lebedeva, Ed.). Moscow, 2017. 272 p. (In Russ.)
16. Savelyev, N. S. “People’s diplomacy” as an element of the “Thaw”: a case study of northwestern regions of the Soviet Union. *Vestnik of Novgorod State University*. 2013;1(73):100–103. (In Russ.)
17. Sidorova, G. P. “Every Soviet person traveling abroad is a special representative of the Soviet way of life”: about the influence of lifestyle on intercultural communications. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 2025;1(142):259–269. DOI: 10.20323/1813-145X-2025-1-142-256 (In Russ.)
18. Soviet cultural diplomacy during the Cold War, 1945–1989: Collective monograph. Moscow, 2018. 446 p. (In Russ.)
19. Takala, I. R., Korobeynikova, M. A. Ad fontes: problems of studying Petrozavodsk’s twinning ties with Finnish cities. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(2):16–25. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.865 (In Russ.)
20. Hollander, P. Political pilgrims (travels of Western intellectuals to the Soviet Union, China, and Cuba, 1928–1978). St. Petersburg, 2001. 592 p. (In Russ.)
21. Sheremet, A. V. Petrozavodsk – Duluth: from the history of twinning of Soviet and American cities in the 1970s–1980s. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University*. Series “Humanitarian and Social Sciences”. 2017;2:37–45. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.2.37 (In Russ.)
22. Sheremet, A. V. Cooperation of Karelian enterprises within twinning partnership project of 1970s–80s. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2015;7(152):29–32. (In Russ.)
23. Shlapenko, E. A. The role of local communities and the sister city movement in the formation of transborder regions (on the example of external relations of Petrozavodsk city, Republic of Karelia). *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 2012;4(1):374–380. (In Russ.)
24. Yurchak, A. Everything was forever, until it was no more: The last Soviet generation. Moscow, 2014. 664 p. (In Russ.)

Received: 5 March 2026; accepted: 2 June 2026; published: 30 September 2026